

Азарян Самир Генрихович

кандидат философских наук,
доцент кафедры режиссуры кино и телевидения Краснодарского государственного
университета культуры искусства
тел.: (918) 460-78-77

Телевидение в культурологическом дискурсе постмодернизма

Аннотация:

Обращение к исследованию телевидения в культурологическом дискурсе постмодернизма позволило выделить его сущностные характеристики. Мировоззренческая установка телевидения характеризуется серийностью, дискретностью, фрагментарностью, интертекстуальностью и другими признаками.

Ключевые слова: телевидение, культурологический дискурс, постмодернизм, концепт, дискретность, интертекстуальность.

Исследование телевидения в культурологическом дискурсе постмодернизма сформировало определенную мировоззренческую установку, имеющую сущностную характеристику, включающую конкретные компоненты.

Так, серийность как специфический способ выстраивания телевизионного пространства придает ему третье измерение, выступая в качестве оси, на которую, подобно бисеру, нанизываются элементы телепрограмм. Разделенные определенными отрезками времени, серийные программы особым образом структурируют жизнь телезрителя, определяют распорядок его жизни. Серийность фиксирует социальное воздействие телевидения. В связи с этим обратим внимание на концепт «серийная культура», который ввел известный идеолог постмодернизма Ж.П. Сартр для обозначения специфики социального бытия под всепроникающим влиянием массмедиа.

Специфической особенностью управления исследуемым концептом является дискретность – мировоззренческая характеристика постмодернистского дискурса и проявление фрагментарности, которая актуализировалась после вхождения в обиход пульта дистанционного управления.

Рассматривая фрагментарность в ее различных проявлениях, мы выделяем еще один постмодернистский признак изучаемого концепта – интертекстуальность, которая введена в научный оборот теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой и стала одной из основных тем постмодернизма.

В узком смысле слова интертекстуальность – включение одного текста в другой, в широком – размывание границ текста, в результате которого он лишается законченности и закрытости, становится внутренне неоднородным и множественным. Интертекст – это более чем сумма текстов, это культурно-исторические коды, способы передачи и восприятия текстов вербального и невербального плана.

Под влиянием теоретиков структурализма и постструктурализма (А.-Ж. Греймаса, Р. Барта, Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Деррида и др.) сознание человека отождествляется с письменным текстом как якобы единственным более или менее достоверным способом его фиксации. В результате все рассматривается как текст: литература, культура, общество, история, сам человек. Утверждение о том, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который, в свою очередь, служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста. Важным последствием уподобления сознания тексту было «интертекстуальное» растворение суверенной субъективности человека в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст» культурной традиции. Таким образом, автор всякого текста превращается

в пустое пространство проекции интертекстуальной игры, что подчеркивает ее бессознательный характер, отстаивая постулат имперсональной «безличной продуктивности» текста, который порождается как бы сам по себе, помимо сознательной волевой деятельности индивида. В результате текст наделяется практически автономным существованием и способностью «прочитывать» историю.

Концепция интертекстуальности тесно связана с теоретической – «смертью субъекта», о которой писал М. Фуко, и провозглашенной затем Р. Бартом «смертью автора», а также «смертью» индивидуального текста, растворенного в явных или неявных цитатах, а в конечном счете и «смертью» читателя, «неизбежно цитатное» сознание которого столь же нестабильно и неопределенно, как безнадежны поиски источников цитат, составляющих его сознание.

Процесс «размывания» человеческого сознания и его творчества нашел отражение в различных теориях, выдвигаемых постструктуралистами, но своим утверждением в качестве общепризнанного принципа современной «литературоведческой парадигмы» оно обязано в первую очередь Ж. Деррида. «Децентрирование» субъекта, уничтожение границ понятия текста и самого текста, отрыв знака от его референциального сигнификата, осуществленный Деррида, свели всю коммуникацию до свободной игры. Это образовало картину «универсума текстов», в которой отдельные безличные тексты до бесконечности ссылаются друг на друга и на все сразу, поскольку все вместе они являются лишь частью «всеобщего текста», который, в свою очередь, совпадает с уже «текстуализированной» действительностью и историей.

Каноническую формулировку концептам «интертекстуальность» и «интертекст» дал Р. Барт, который считал, что каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек.

Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение определенных элементов дает новые комбинации. Поэтому для Р. Барта любой текст – это своеобразная «эхокамера», для М. Риффатерра – «ансамбль пресуппозиций других текстов», а «сама идея текстуальности неотделима от интертекстуальности и основана на ней». Для М. Грессе интертекстуальность является составной частью культуры вообще и неотъемлемым признаком литературной деятельности, в частности: любая цитация, какой бы характер она ни носила, обязательно вводит писателя в сферу того культурного контекста, «опутывает» той «сетью культуры», ускользнуть от которых не властен никто.

Таким образом, текстуальность и интертекстуальность понимаются как взаимобулавливающие друг друга феномены, что ведет, в конечном счете, к уничтожению концепта «текст» как четко выявляемой автономной данности.

Итак, значение интертекстуальности выходит за рамки чисто теоретического осмысления современного культурного процесса, поскольку она ответила на глубинный запрос мировой культуры XXI столетия с его явной или неявной тягой к духовной интеграции. Она оказывает влияние на художественную практику и самосознание современного художника. Именно в таком понимании мы используем «интертекстуальность» для формирования телевидения как концепта идеологии постмодерна.

На телевидении интертекстуальность помогает работать с текстами, которые передаются уже не столько словесно, сколько с помощью образов. Именно это позволило М. Маклюэну в книге «Галактика Гуттенберга» провозгласить, что на смену линейному способу мышления приходит глобальное восприятие текста через образы

аудивизуальной культуры. Следовательно, интертекстуальность телевидения как парадигмы аудиовизуальной культуры генерирует не линейно-вербальные тексты, а визуальные знаки, которые воспринимаются особым, тактильным образом. Подлинное содержание ТВ-канала, ТВ-медиума – особый способ структурирования действительности, который определяется как телевизионное мышление. Это подтверждают слова М. Маклюэна о том, что телевидение осуществляет воздействие на систему чувств человека не содержанием информации, а способом ее передачи. Телесообщение – это не просто текст, это – симультанная система, в которой одновременно присутствуют вербальные послания, визуальные образы, мозаичная символика, электронные коды и, конечно, сам телезритель. Именно включенностью аудитории в происходящее на телеэкране и обуславливает глубину воздействия телевизионных образов. По М. Маклюэну, телевидение – «технологическое продолжение органов человеческого тела». Оно генерирует текстуальную интеракцию, в рамках которой формируются новые мифологизирующие формы восприятия действительности, определяющие телевизионный стиль идеологии постмодерна, и определяются миро- и самоощущения современного человека, которые получили название постмодернистской чувствительности. Итак, мы выделили некоторые элементы сущностной характеристики телевидения в культурологическом дискурсе постмодернизма.